

ТАКТИ РИИКЛИКУ ÜLIKOO LI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

VIIK 78 ВПУСК

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

II

ТАРТУ 1959

К ИСТОРИИ КРУЖКА ТИЩИНСКОГО, ЛЕБЕДЕВА, МАНАССЕИНА

(ИЗ ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА)

Канд. филол. наук П. С. Рейфман

В конце 50-х — в начале 60-х годов XIX века, в связи с нарастанием и назреванием революционной ситуации, почти во всех университетах России происходили студенческие волнения.

В литературе неоднократно высказывалось утверждение, что Тартуский (Дерптский) университет избежал этих волнений. С такими утверждениями выступали люди самых различных взглядов. Так, активный участник студенческого движения 60-х годов Л. Ф. Пантелеев отмечал, что «Волнения тогда охватили все университеты, кроме Дерптского».¹

На отсутствие студенческих волнений в Тарту указывал и автор анонимной брошюры, написанной с совсем противоположных позиций реакционно-охранительного лагеря: «В то время, как все наши университеты хронически подвержены более или менее серьезным волнениям и беспорядкам среди студентов, пытающихся принять участие в социальной и политической жизни общества, один только Дерптский университет остается спокойным».² Подобный взгляд был общепринятым. Его разделяли и власти, допуская в Дерптском учебном округе то, что было строго запрещено в других (например, разрешение корпораций после введения в 1861 году новых студенческих правил, запрещавших всякие корпорации; сохранение воскресных школ после приказа об их закрытии и пр.).

Конечно, такая оценка Тартуского университета не являлась случайной. Действительно, в 60-е годы значительных студенческих волнений в Тарту не было. Нет никаких оснований характеризовать Тарту чуть ли не как один из революционных центров, как делает это Любарский.³ Тартуский университет на самом деле был относительно «спокойным», и его «спокойствие» объяснялось рядом причин. Прежде всего это объяснялось тем,

¹ Л. Ф. Пантелеев, Воспоминания, М., 1958, стр. 244.

² О студенческой жизни в Дерпте, Спб. 1891, стр. 2.

³ См. А. Любарский, Слово дружбы, Таллин, 1956, стр. 280.

что большинство студентов составляли сыновья прибалтийских баронов, материально обеспеченные, консервативно настроенные, чуждые национальным русским интересам, вовсе не склонные участвовать в студенческих волнениях. Известное значение в предупреждении «беспорядков» имела и ловкая политика попечителя Дерптского учебного округа Е. Ф. фон-Брадке. Хитрый и влиятельный, поддерживавший дружеские отношения с министром просвещения А. С. Норовым, сумевший сохранить эти отношения и с преемниками Норова, Брадке до самой своей смерти (апрель 1862 г.) пользовался в глазах начальства значительным авторитетом. Характерно, что незадолго до смерти он был назначен председателем комиссии для выработки нового университетского устава, общего для всех университетов России.⁴ В то же время Брадке, по мере возможностей, старался не вызывать недовольства студентов. Пользуясь своим влиянием и благожелательным отношением начальства к Тартускому университету, он добился того, что ряд правительственных мер, которые могли бы вызвать студенческие волнения, не распространялись на Тарту. Так, в представлении Брадке министру просвещения от 8 августа 1861 года он защищал существование корпораций и добился их сохранения.⁵

В конце мая 1861 года министерство просвещения разослало по учебным округам новые студенческие правила. Введение этих реакционных, так называемых «путятинских» правил, что неоднократно отмечалось в литературе, вызвало мощную волну возмущения студентов всех университетов страны. Получив правила, Брадке и в этом случае постарался избежать студенческого недовольства и в то же время подчеркнуть еще раз перед начальством благонадежность вверенного ему округа. В представлении управляющему министерством просвещения от 20 июня 1861 года он писал: «что же касается до запрещения сходок без разрешения начальства, объяснения с ним через депутатов или сборищем и шумного на лекциях одобрения или порицания преподавателей, то объявление сих запрещений по Дерптскому университету я счел нужным отложить до проявления подобных случаев, ибо таковых в оном во все время управления моего округом не было, и я не имею причины предполагать, чтобы могла представиться надобность в предупредительных против подобных беспорядков мерах».⁶ И разрешение министра, санкционированное царем, было получено.

В письмах к Норову Брадке неоднократно обосновывал свое либеральное отношение к студентам, к их внешнему виду, к

⁴ См. А. Георгиевский, Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков, Спб, 1890, стр. 4.

⁵ ЦГИАЛ, Архив министерства просвещения, ф. 733, оп. 57, ед. хр. 749, л. 24.

⁶ Там же, лл. 10, 10 об

несоблюдению правил ношения формы и т. п. В книге Петухова приводятся ряд таких писем от 21.X.1855, от 29.V.1856 и др.⁷ Подобные же письма от 31.IX.1856, от 26.XI.1857 и т. п. обнаружены нами в архиве министерства просвещения.⁸ «Наказывать и без того беспрерывно приходится, — сообщал он Норову 29 мая 1856 года, — ибо беспорядков против правительственного порядка и дисциплины терпеть невозможно < . >, но ежели к этому еще присовокупить наказания за несоблюдение строгой формы, то несомненно произведутся волнения умов, которые будут препятствовать всем действительным и необходимым улучшениям».⁹

Конечно, либерализм Бадке был чисто внешним. Попечитель старался лишь без особой нужды не раздражать студентов. Когда же дело касалось серьезного, политики, Бадке вовсе не был склонен к снисходительности, широко использовал исключение или, чтобы не поднимать шума, удаление из университета неугодных студентов по «их собственному желанию».

Все перечисленные причины способствовали сохранению «спокойствия» в Тарту. Однако, отсутствие крупных студенческих волнений не свидетельствует, что в Тарту не было студентов, разделявших оппозиционные политические настроения, столь характерные для всей передовой русской молодежи 60-х годов.

В литературе о Тартуском университете неоднократно подчеркивалось, что в него сравнительно легко принимались очаровавшиеся «объятиями коварной девы-политики»,¹⁰ т. е. политически неблагонадежные студенты. «Но в то время в пределах России был один немецкий университет, куда без особых затруднений принимали «скомпрометированных» студентов из разных университетов. Полагали, что ввиду полного отсутствия политических волнений в этом университете < . > страсти молодых людей улягутся, и, отбросив посторонние увлечения, они спокойно примутся за свое учебное дело».¹¹ Подобная практика свидетельствовала об уверенности начальства в благонадежности Тартуского университета, но она приводила к тому, что в университете скапливалось значительное число таких «скомпрометированных» студентов, и, конечно, само пребывание в Тарту большей частью не могло изменить их политических взглядов. О настроениях лучшей части тартуского студенчества конца 50-х годов рассказывал в своих «Воспоминаниях» Соллогуб: «направление в университете совершенно изменилось. До-

⁷ См. Е. В. Петухов, Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования, Юрьев, 1902, стр. 545, 546.

⁸ См. ЦГИАЛ, ф. 735, оп. 10, ед. хр. 305., лл. 52, 193.

⁹ Там же, л. 29 об. Частично эту цитату приводит в выше упоминаемой книге Петухов, стр. 546.

¹⁰ М. Лаврецкий, Город студентов, Ревель, 1891, стр. 6.

¹¹ Е. Бобров, К биографии В. А. Манассеина, Русский врач, 1905, № 44, стр. 1369.

вольно значительный кружок русских студентов внес в него зачинающееся зерно нигилизма, еще не имевшего впрочем этого названия, т. к. знаменитый роман Тургенева «Отцы и дети» появился только года три после нашего переселения в Дерпт». ¹² О настроениях тартуского студенчества можно судить и по вышеназванной брошюре Лаврецкого. Рассказывая о неоднократных столкновениях немецких и русских студентов, автор показывал, что их вражда в значительной степени основывалась на различии политических взглядов, имела социальные корни. Первые — сыновья прибалтийских баронов, жили на «готовые средства», русский же студент, по словам Лаврецкого, «перебивался изо дня в день, со страхом помышлял о последних сроках взноса платы в университете»; первым «мерещилось впереди обеспеченное житье на теплом и сытном месте, а второй был погружен в мечты и думы о всеобщем благополучии». ¹³

Вышеприведенные воспоминания довольно отчетливо воссоздают тип русского студента в Тарту конца 50-х — начала 60-х годов, материально не обеспеченного, «зараженного» духом «нигилизма», мечтающего не о собственном благополучии, а о всеобщем счастье людей; и иногда это были не абстрактные мечтания, а вполне конкретное стремление к политической деятельности, направленной на изменение существовавшего строя. Такое стремление заметно в кружке, возникшем в Тарту в самом начале 60-х годов и связанном с именами А. А. Тишинского, А. С. Лебедева, В. А. Манассеина.

Об этом кружке, главным образом, на основании материалов, опубликованных в работе М. Лемке «Молодость отца Митрофана» ¹⁴ упоминает в своей книге А. Любарский. ¹⁵ Но и факты, приводимые автором книги, и истолкование их не дают полного и верного представления о кружке. Любарский, в основном, сосредоточивает внимание на личности Манассеина, всячески революционизирует его взгляды, делает его единомышленником и соратником не только видного представителя революционного движения 60-х годов М. Д. Муравского, но чуть ли не Чернышевского, Огарева, Герцена. С именем Манассеина Любарский, главным образом, и связывает организацию и деятельность кружка. О Тишинском и Лебедеве же в книге упоминается только мимоходом: «Мы располагаем весьма скудными данными о Лебедеве и Тишинском», — замечает Любарский. ¹⁶ Дело в том, что имя выдающегося русского врача и общественного деятеля В. А. Манассеина широко известно. О нем имеется ряд статей,

¹² В. А. Соллогуб, Воспоминания, М.-Л., 1931, стр. 491.

¹³ М. Лаврецкий, Город студентов, Ревель, 1891, стр. 24.

¹⁴ См. М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». Спб, 1908. В дальнейшем ссылки на эту книгу будут обозначаться: М. Лемке.

¹⁵ А. Любарский, Слово дружбы, Таллин, 1956, стр. 275—281.

¹⁶ Там же, стр. 278.

недавно его деятельности была посвящена книга.¹⁷ С конца 1861—1862 гг., после удаления Тишинского и Лебедева из университета, он действительно становится во главе тартуского студенческого кружка. Но сама организация кружка, начальный, видимо, самый радикальный период его деятельности, с середины 1860 по вторую половину 1861 г., связаны в первую очередь с именами Лебедева и Тишинского. Особенно велика, по всей вероятности, роль последнего, товарища Муравского с 1856 года, прошедшего вместе с ним через Харьковское и Киевское тайные общества, исключенного в дальнейшем из Тартуского университета без права поступления в другие университеты, судившегося позднее по процессу Андрущенко, долгие годы находившегося под строгим полицейским надзором. Он, видимо, был из всех тартуских студентов наиболее близок Муравскому. Не следует забывать, что его с Муравским связывала многолетняя дружба, знакомство же Муравского с Манассеиным возникло лишь в конце 1860 года и ограничивалось перепиской между ними, лично они никогда не встречались.

О Тишинском и Лебедеве имеется довольно большое количество материалов. Их имена неоднократно упоминаются в архивах 3-го отделения, Тартуского университета, Рижского губернатора. О них сообщается ряд сведений в книге Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики».¹⁸ Любарский даже не упомянул об этой книге, он ни словом не обмолвился, что Лебедев и Тишинский, по распоряжению министра просвещения, были исключены из Тартуского университета, что ясно видно из их личных дел, хранящихся в Тартуском архиве, не постарался выяснить причины их исключения.

Материалы, имеющиеся в Московском, Ленинградском и Тартуском исторических архивах, позволяют достаточно отчетливо осветить политические взгляды Тишинского и Лебедева и прояснить их роль в тартуском студенческом кружке. Для этого не лишним будет остановиться на некоторых фактах их жизни до прибытия в Тарту.

Александр Амфианович Тишинский родился 5 июля 1835 г. в селе Голубичах Черниговской губернии. Его отец, Амфиан Петрович, имел чин коллежского секретаря и служил в Черниговской казенной палате. Родом Тишинский из дворян, но по существу он был типичным разночинцем. Ему, двум его братьям и четырем сестрам принадлежало небольшое имение в 80—100 душ; Тишинский даже не знал, сколько там десятин земли. Первоначальное образование Тишинский получает дома, под руководством отца, а затем, в 1847 году, в год смерти отца, его отдают в Черниговскую гимназию. В 1856 году Тишинский был из 6-го класса гимназии и в августе того же года отправил-

¹⁷ Г. И. Арсеньев, В. А. Манассеин, М., 1951.

¹⁸ Б. П. Козьмин, Харьковские заговорщики, Харьков, 1930.

ся в Харьков, собираясь держать экзамены в университет. Но попасть туда в этом же году ему не удалось, и он, чтобы не терять времени, поступил в Харьковское ветеринарное училище.

В доме, где поселился Тишинский в 1856 году, жили студенты Харьковского университета, активные участники тайного студенческого общества, Ефименко и Завадский.¹⁹ Тишинский сблизился с ними, под их влиянием он начал по-новому осмысливать окружающую действительность: «Со времени моего приезда в Харьков я сошелся с некоторыми студентами с современным взглядом на вещи, вообще, как выражается Щедрин, людьми с «направлением». Этот-то круг моего нового знакомства много помог мне в умственном отношении, так что мои убеждения социальные и религиозные во многом не сходны с прежними, гимназическими»,²⁰ писал он 21 января 1858 года своему знакомому по гимназии Н. Н. Рашевскому. Эти товарищи, по словам Тишинского, научили его не смотреть на науку как на средство к личному процветанию, а как на то, что «учит нас еще заботиться и не забывать других, ближних наших».²¹ Вскоре Тишинский стал членом тайного общества, вступил он в общество шестым, непосредственно после основных его организаторов. В августе 1857 года Тишинский поступил на медицинский факультет Харьковского университета. К этому времени тайное общество прекратило свое существование, но Тишинский остался верен «направлению», с которым он познакомился в обществе.

Об этом отчетливо свидетельствует его переписка с Рашевским, учившимся в тот период в Петербургском университете. Не исключена возможность, что эта переписка отражает стремление бывших членов харьковского тайного общества установить связь с революционным студенчеством других университетов. Известно, что после 1860 года харьковские студенты, разосланные в различные города, активно налаживали подобные связи. Возможно, что переписка Тишинского с Рашевским является одной из первых таких попыток. В письме от 27 января 1858 года Тишинский прощупывал взгляды Рашевского, намекал на изменение своего мировоззрения, подчеркивал ложность убеждений «хотя бы, например, в том, что все только у нас в России хорошо непогрешительно».²² Указывая на лживость «истин», которые проповедуются в гимназиях и университетах, он замечал, что виноваты в этом не названные учебные заведения, а «чья-то воля, которая сверху вниз все давит, давит...»²³

Из ответа Рашевского от 6 февраля, подписанного «Никандр Никандрович Иванов», видно, что он хорошо понял намеки Тишинского, признал его за своего единомышленника, но откровенно писать к нему опасался «до тех пор, пока у нас существуют любопытные и предательские «шпекинны», читающие чужие письма, жандармы (в переводе — люди меча — сиречь палачи)

¹⁹ Подробно о Харьковском тайном обществе, Ефименко, Завадском см. книгу Б. П. Козьмина «Харьковские заговорщики», Харьков, 1930.

²⁰ ЦГИАМ, Архив 3-го отделения, ф. 109, 1 экзп., 1860 ед. хр. 26, ч. 4, л. 15.

²¹ Там же, л. 15 об.

²² Там же, л. 15.

²³ Там же. Многоточие Тишинского.

и откуда у нас не выйдет из моды поощрять подлость, предательство, шпионство и другие рыцарские доблести в наших же братьях». ²⁴ Рашевский советует и Тишинскому быть более сдержанным в письмах и в то же время дает понять, что целиком сочувствует взглядам Тишинского, и лишь осторожность прятает его откровенности: «Весело было читать мне Ваше письмо и совестно отвечать на него этим цензурованным посланием». ²⁵ Отвечая на вопросы Тишинского, Рашевский намекает, что он внимательно следит за нелегальной литературой и весьма одобительно оценивает ее: «Вы спрашиваете, знаком ли я с хорошими сочинениями и читаю ли их. Конечно. Читаю все, решительно все, что хорошо и правдиво». ²⁶

В ответном письме от 17 февраля Тишинский учил Рашевского, как избежать неудобств, связанных с цензурой, и в то же время выразить свои взгляды. Он указывал, что «можно совершенно высказаться перед человеком и не поставить ни его, ни себя в неприятное положение, т. е. не подписывать письма своим именем и не относиться лично к нему. Вы скажете «а адрес на конверте?» — Эка беда! Разве Вы не можете написать мне письма с передачей какому-нибудь вымышленному лицу». ²⁷ Характерно, что Тишинский подписывал свой ответ вымышленным именем «Петр Григ. Днепров», которое утвердилось за ним еще в тайном обществе. Это еще один довод в пользу предположения, что Тишинский выступает в переписке не только лично от себя, но и как выразитель мнений определенной группы харьковских студентов, стремившихся наладить связи с другими университетами.

Рашевский воспользовался советом Тишинского и 23 февраля направил ему за подписью «Николай Зубов», якобы для передачи Днепрову, письмо, в котором откровенно говорил о своих политических взглядах. Резкость характеристик, высказанных Рашевским, суровое осуждение самодержавия, мысли о необходимости революционной борьбы с ним обратили на письмо особенное внимание властей. Оно неоднократно подробно цитируется в делах харьковского процесса, 3-е отделение настойчиво доискивается, кто его автор. С огромным сочувствием Рашевский оценивает деятельность революционеров, «благородные порывы людей энергичных, старающихся более или менее потрясти некоторые нелепые верования общества, данные ему воспитанием в казенных заведениях или по программам, высочайше утвержденным, потрясти веру в неприкосновенность верховной власти и ее главы, хотя бы эта глава была одержима бесом зла и тупоумия и хотя бы цель ее была уничтожить у нас на родине все разумное, молодое, гениальное, но не верно-подданническое, прибегая для этого, притом же, к средствам самым возмутительным. Удивительно, однако, какой страх навела на всех у нас виселица, тюрьма, палач и кнут. Все так запуганы земным идолом и жандармами, что боятся нарушить законы основные больше, чем законы природы, законы божеские, несмотря на то, что основные законы предписаны не народом, не сердцем, не умом, не любовью к Родине и к человечеству, а каким-то полупьяным, полубешенным, полуйсступленным извергом и злодеем-монархом в ограждение своей преступной, достойной десяти казней головы от мести народной, вполне им заслуженной». ²⁸ В письме отчетливо звучит мысль о необходимости уничтожения самодержавия, революционного низвержения его: «Монархическая, единодержавная власть, незаконно и безбожно злоупотребляемая, с безграничным и безответным деспотизмом — тоже, положим, от бога посланное испытание — болезнь. Почему ж бы нам и не полечиться, и не приложить особенных трудов, не пожертвовать многим для избавления себя и своих ближних от этой проказы, от этой язвы, постоянно так страшно, так эпидемически в нашей стране появляющейся». ²⁹ Трудно

²⁴ Там же, ед. хр. 26, ч. I, л. 69.

²⁵ Там же, л. 70.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, ед. хр. 26, ч. 4, л. 20. Многоочия Тишинского.

²⁸ Там же, ед. хр. 26, ч. 1, л. 71.

²⁹ Там же, л. 72.

сказать, в какой степени Тишинский разделял подобные воззрения Рашевского. Во всяком случае Рашевский писал ему как единомышленнику, первые решительные слова, вызывающие на откровенность, были сказаны Тишинским, он бережно, в течение двух лет, хранил эту переписку, и мысли, высказанные в ней, вряд ли были совсем ему чужды.

Правда, в письмах самого Тишинского подобных резких выражений не встречается, но нужно помнить, что цитируемое выше письмо Рашевского написано уже от чужого и на чужое имя, сразу же после договоренности о том, каким образом можно откровенно высказать свои воззрения, не компрометируя ни себя, ни своего адресата. Дошедшие до нас письма Тишинского написаны до этой договоренности, когда и Рашевский был весьма сдержан, гораздо даже более сдержан, чем Тишинский.

В апреле 1858 года Тишинский участвовал вместе с другими бывшими членами тайного общества в волнениях харьковских студентов и получил высочайший выговор. Затем он перешел на юридический факультет Киевского университета, где и оставался до момента ареста по харьковскому процессу. Он, видимо, интересовался украинским народным творчеством, собирал заговоры, заклинания. Характерно его внимание к судьбе великого украинского поэта-демократа Т. Г. Шевченко. В апреле 1859 года Ефименко сообщал Тишинскому из Чернигова, что Шевченко разрешено побывать на родине и что прислан уже приказ в Черниговскую и Киевскую губернии следить за его поступками.³⁰

В Киеве бывшие харьковские студенты, перемещенные сюда после апрельских волнений, в 1859 году составили «замкнутый круг, к которому присоединились и некоторые киевские студенты».³¹ В нем, по словам Лебедева, участника этого кружка, беседовали «о нашем административном мире, что говорит о нем г. Герцен, спрашивали друг друга, — нет ли чего нового из Искандеровщины? Если что-нибудь оказывалось, отправлялись читать куда-нибудь подальше! О всем толковали друг с другом не стесняясь».³² Следует учесть, что значение деятельности общества в показании Лебедева, видимо, явно преуменьшалось, так как вышеприведенная характеристика давалась им во время допроса. Упомянутый киевский кружок объединял и бывших членов харьковского тайного общества Муравского, Тишинского и др.) и лиц, не входивших в него. К последним относился и Лебедев.

Александр Сергеевич Лебедев родился в Новосибирском уезде Екатеринославской губернии в августе 1836 года. Родом из купцов, Лебедев, как и Тишинский, по существу был разночинцем: «Моя мать ничего не имеет, как движимого, так и недви-

³⁰ Там же, ед. хр. 26, ч. 2, лл. 350 об. — 351.

³¹ ЦГИАЛ, Архив министерства внутренних дел, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 71, л. 210.

³² ЦГИАМ, ф. 109, 1 экз., 1860, ед. хр. 26, ч. 2, л. 268.

жимого; я тоже ровно ничего не имею», — показывал он во время следствия.³³ Учиться Лебедев мог лишь благодаря материальной помощи помещика Полтавской губернии П. И. Козельского, покровительствовавшего ему. Учился Лебедев в Одессе, в пансионе Одена, который, по его словам, не много значил в его развитии, а затем поступил в Харьковский университет, где и формируются его политические убеждения: «Университетское же образование имело значительное влияние на мой образ мыслей и направление».³⁴ В апреле 1858 года Лебедев участвовал в студенческих волнениях, «находился под следствием и был исключен на год из Харьковского университета по высочайшему повелению».³⁵ Затем он уехал в Киев, где прожил несколько месяцев. Студентом Киевского университета Лебедев не был, но посещал некоторые лекции, познакомился с профессором Павловым, сблизился с вышеупомянутым кружком бывших харьковских студентов, принимал участие в распространении рукописного студенческого журнала «Гласность», в котором «помещались нестеснительные выражения о государе императоре».³⁶

Трудно сказать, насколько знали друг друга Тишинский и Лебедев во время пребывания их в Харькове, во всяком случае в Киеве они сблизились между собой. В начале 1860 года, во время следствия, Лебедев называл Тишинского своим хорошим киевским знакомым, указывая, что они — товарищи еще по Харьковскому университету. В мае 1859 года Лебедев уехал из Киева, он пытался получить заграничный паспорт, но 3-е отделение не дало на это согласия. Тогда Лебедев вновь поступил в Харьковский университет и продолжал там учиться до начала 1860 года.

В январе 1860 года началось следствие о Харьковском студенческом обществе, и сразу же в деле начинают встречаться имена Тишинского и Лебедева. Имя Тишинского упоминалось в письмах участников общества Бекмана и Муравского к Левченко, арестованному 28 января.

Во время допросов он был назван в числе членов тайного общества. В ночь с 30 января на 1 февраля Тишинский был арестован. 6 февраля был сделан обыск и в квартире Лебедева в Харькове. Сам Лебедев в это время уехал в Полтавскую губернию, в дер. Козельщину, к помещику Козельскому, где и был 7 февраля арестован. В бумагах Лебедева обнаружили письмо от одного студента, в котором говорилось об аресте члена общества Завадского, намекалось на необходимость уничтожить компрометирующие бумаги. Воспользоваться советом Лебедев, видимо, не сумел. Его бумаги, находившиеся в Харькове, были опечатаны еще прежде его ареста, но нам точно не известна дата

³³ Там же, к делу 26, ч. 1, л. 328.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, ед. хр. 26, ч. 5, л. 42 об.

отъезда Лебедева из Харькова. Не исключена возможность, что в Полтавскую губернию он отправился уже после первых арестов и часть бумаг все же успел уничтожить. Во всяком случае в его переписке «криминального» обнаружено было немного. Особое внимание следственной комиссии вызвало лишь письмо некоего Оптовцева от 14 ноября 1858 года, в котором утверждалось, «что русская власть олицетворена в пьяном джентельмене, с золотыми эполетами и красными штанами».³⁷ В бумагах же Тишинского комиссия нашла большое количество материалов, свидетельствовавших об антиправительственных воззрениях их хозяина. Здесь были две пародии на царские манифесты 1856 года, изданные один по поводу заключения мира, второй — в связи с разрешением от бремени императрицы Марии Александровны, прокламация «Русскому воинству в Польше», воззвание к украинцам, по определению комиссии, «закрывающее в себе опровержение высочайшего манифеста о мире и призыв к изменению образа правления в России»,³⁸ прокламация на украинском языке «Голос з села», «возбуждающая неудовольствие малороссиян к государю и правительству»,³⁹ переписка с Рашевским, 28-ой номер «Колокола» за 1858 год и копии ряда запрещенных сочинений; «статьи Белинского, Расстопчиной, не пропущенные цензурой. Списки вроде пасквилей на начальствующих лиц».⁴⁰ «Ни у кого из арестованных лиц не найдено такое количество выписок этого рода, и это одно только обстоятельство указывает на необходимость за ним надзора», — писал о Тишинском начальник 1-го округа жандармов, генерал-майор Анненков.⁴¹

Во время следствия Лебедев и Тишинский вели себя поразному. Лебедев сравнительно легко давал показания, вскоре признал свою вину, тем более, что ответы других арестованных не давали особых возможностей к запирательству. Но в то же время Лебедев держал себя перед комиссией с большим достоинством, не пытался переложить вину на других. Когда ему 22 апреля задали вопрос, кого имел в виду Оптовцев, упоминая о пьяном джентельмене в красных штанах, Лебедев показал, что речь шла о царе, но в то же время добавил, вызвав гнев председателя следственной комиссии: «при тех впечатлениях и при тех обстоятельствах (ноября 1858 г.) и я может быть написал бы то же самое».⁴² В специальном заявлении, сделанном 3 мая, он снова подтвердил эти слова, подчеркнув, что «ежели г. Оптовцев мог мне писать подобные письма, то этим он давал мне право писать подобные же. Теперь, при разъяснении некоторых

³⁷ Там же, ед. хр. 26, ч. 2, л. 270.

³⁸ Там же, л. 493.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, к делу 26, ч. 1, л. 456.

⁴¹ Там же, ед. хр. 26, ч. 3, л. 18.

⁴² Там же, ед. хр. 26, ч. 2, л. 405.

выражений его письма, если бы скорчил наивную физиономию, если бы прикинулся святошей, то что бы я этим доказал? Я этим доказал бы, что в глазах комиссии и в глазах г. Оптовцева я остаюсь пошлым негодяем. Быть двойным негодяем я считаю для себя вещь невозможной < . > Выдвигать же другого в защиту свою считаю подлостью. Вина другого, ни в коем случае, не должна служить мне оправданием. Итак, я прошу, как милости, подвергнуть меня, на основании моих слов, тому же наказанию, какому подвергается г. Оптовцев».⁴³ Такое поведение свидетельствовало об искренности и благородстве Лебедева, но в то же время и об его наивности, незрелости его оппозиционных взглядов.

По-иному вел себя во время следствия Тишинский. На допросе 13 февраля он начисто отрицал свою принадлежность к обществу, старался, под видом мнимой искренности, ввести комиссию в заблуждение, прикидывался наивным простаком. Тишинский утверждал, что он еще в гимназии воспитывался в духе «начал православия, самодержавия и народности, которым верен остаюсь и до сих пор».⁴⁴ Говоря об учебных заведениях, в которых он занимался, Тишинский заверял: «Во всех этих учебных заведениях не случилось со мною ничего особенного, что могло бы служить к изменению моего образа мыслей».⁴⁵

С мнимым простодушием он убеждал комиссию: «Вообще жизнь моя, пока еще, небогата никакими особенного рода приключениями, как жизнь вообще всякого учащегося, а тем более небогата такими происшествиями, которые могли бы иметь особенное влияние на мой образ мыслей и направление».⁴⁶ Упомянув о переходе из Харьковского университета в Киевский, Тишинский мотивировал этот переход тем, что Киев ближе к его дому и лишь мимоходом заметил в самом конце показания: «Я участвовал в апрельских беспорядках в 1858 г., за что и получил высочайший выговор, объявленный мне уже в то время, когда я был в Киевском университете».⁴⁷ Подобной же тактики непризнания, прикрываемой мнимой откровенностью, придерживался Тишинский и во время допроса 12 апреля. Он упорно заверял комиссию в своей искренности: «Считаю нужным сказать, что я буду говорить сущую правду и ничего не утаю». «С большею уже откровенностью я не могу изложить обстоятельств, сопровождавших мое пребывание в университетах».⁴⁸ В то же время он вовсе не собирался открывать истинного положения дел. Тишинский ссылался даже на низкий уровень преподавания в Харьковском ветеринарном училище, чтобы доказать свою

⁴³ Там же, лл. 405, 405 об.

⁴⁴ Там же, к делу 26, ч. 1, лл. 352, 352 об.

⁴⁵ Там же, л. 353.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, лл. 353, 353 об.

⁴⁸ Там же, ед. хр. 26, ч. 2, лл. 103, 104 об.

непричастность к политике: «Поэтому я не мог здесь набраться премудрости, чтобы думать о каких-либо переворотах».⁴⁹ Он рассказал даже о пренебрежении харьковского общества к воспитанникам ветеринарного училища, чтобы аргументировать утверждение о своем мнимом одиночестве. Вынужденный отвечать, откуда у него прокламации, Тищинский объяснял дело лишь своим любопытством, не связанным якобы с его политическими взглядами, старался не дать комиссии повода потребовать у него имена лиц, снабжавших его нелегальной литературой: «Я тоже начал доставать запрещенные стихи, в чем, при открытом характере студентов, мне не трудно было успевать, потому что увидишь, бывало, тетрадь с запрещенными стихами, не смотришь, знаком или нет студент, просишь и получаешь. Часто такие тетради оставались у меня навсегда: приходишь на лекции — нет того, у кого взял, фамилию забыл или и вовсе ее не знал. Притом же я также замечал, что страсть к запрещенным стихам не имела никакого влияния на направление студентов: это было ни больше, ни меньше просто любопытство, интерес новизны».⁵⁰ Принадлежность свою к тайному обществу он продолжал начисто отрицать. «Обществ ни явных, ни тайных между студентами я не знал, поэтому и сам не принадлежал к ним», «Тайных обществ и в Киеве я не знал».⁵¹ Характерно, что Тищинский не назвал ни одного важного имени, в числе своих знакомых не указал ни одного из близких ему по Харьковскому обществу и Киевскому кружку людей, подчеркивая, что и вообще у него было весьма мало знакомых.

И лишь 26 апреля, когда ему подробно изложили показания других обвиняемых, Тищинский вынужден был сознаться в своей принадлежности к обществу, которое ставило своей целью «распространение либеральных идей»⁵² и стремилось водворить в России конституционный образ правления. Свои прежние показания Тищинский объяснял тем, что не хотел «вечно мучиться совестью, что я причина страданий моих товарищей», что думал: «если мои товарищи на меня не показали, то как же я буду их обвинителем».⁵³ Но и в последних показаниях Тищинский далек от искренности. Он всячески преуменьшал свою связь с обществом, с его членами, изображал себя лишь случайным посетителем двух собраний, ни слова не говорил о своем участии в кружке киевских студентов, утверждал, что «с этих пор (т. е. с начала 1857 года — с момента прекращения деятельности общества — П. Р.) участие мое во всех предприятиях студентских прекратилось».⁵⁴ Письма Тищинского к Рашевскому начала 1858 года,

⁴⁹ Там же, л. 103 об.

⁵⁰ Там же, л. 104.

⁵¹ Там же, лл. 104, 104 об.

⁵² Там же, л. 330 об.

⁵³ Там же, лл. 333, 334.

⁵⁴ Там же, л. 332.

его участие в апрельских беспорядках, в Киевском кружке ясно показывают, как мало веры можно придавать этим утверждениям.

Признавался Тишинский только в том, о чем уже говорилось в приведенных ему чужих показаниях, что отрицать не было никакой возможности. Характерно, что большинство арестованных призналось ранее Тишинского, и лишь руководитель Киевского и Харьковского кружка Муравский до 10 мая продолжал отрицать свою принадлежность к обществу.

Все это достаточно ясно свидетельствует о зрелости оппозиционных взглядов Тишинского, о твердости его политических убеждений. Не следует, конечно, излишне революционизировать позицию Тишинского, превращать его в одного из руководителей Харьковского и Киевского кружков. Тишинский занимал в тайном обществе, сравнительно с его руководителями и организаторами, второстепенное место. Так характеризует его и следственная комиссия. В записке начальника 1-го округа жандармов от 11 июня 1860 года говорится, что «он был одним из членов общества и ничем особенным не обратил на себя внимания, кроме склонности к переписыванию и собиранию всех попадавших ему под руку рукописных сочинений преступного содержания».⁵⁵ Однако, следует учесть, что подобным же образом характеризуется и вся деятельность общества. Значение его явно преуменьшается. Политические взгляды участников объясняются молодостью, незрелостью их мысли, всячески подчеркивается, что никакого практического результата эти взгляды не имели, что общество распалось само по себе: «Но едва только дошли они до вопроса: с чего начать им свои действия, то тотчас же увидели всю безрассудность своего предприятия <. .> После нескольких заседаний, в которых ничего не было решено положительно, они убедились, что предприятия их дошли до крайних пределов нелепости. В этом сознались тогда же все члены общества и положили: существование общества прекратить».⁵⁶ Именно таким образом старались представить дело арестованные студенты, в том числе и Тишинский. И комиссия поверила или сделала вид, что поверила им. Время было тогда еще относительно либеральное, и правительство, видимо, не хотело подчеркивать вину подсудимых. Большинство из них отделалось сравнительно легкими наказаниями. Тишинский и Лебедев, согласно решению комиссии, утвержденному царем, после предупреждения, «что если еще когда-либо будут замечены в подобных поступках, то подвергнутся строжайшему взысканию», должны были отправиться для продолжения учебы в один из университетов страны, «с поручением их особенному наблюдению полицейского начальства».⁵⁷

⁵⁵ Там же, ед. хр. 26, ч. 3, л. 18.

⁵⁶ Там же, лл. 20, 20 об.

⁵⁷ Там же, ед. хр. 26, ч. 5, лл. 51, 51 об.

23 июня 1860 года министр народного просвещения сообщил в 3-е отделение, что он решил направить их в Тартуский университет. В конце июня Тишинский и Лебедев получили свидетельства из 3-го отделения за №№ 1266 и 1267, в которых им разрешалось выехать по месту учебы, «с обязательством, по прибытии в Дерпт тотчас явиться к тамошнему полицмейстеру».⁵⁸ Одновременно 3-е отделение направило 25 июня жандармскому штаб-офицеру в Тарту фон-Корфу предписание за № 1271, в котором извещало, что Тишинский и Лебедев посланы в Тарту «с поручением их особенному наблюдению тамошнего начальства и с учреждением за ними секретного полицейского надзора».⁵⁹ 3-е отделение требовало в свою очередь от жандармского офицера «иметь за этими молодыми людьми негласное наблюдение и о поведении и образе жизни их по временам доносить его сиятельству»⁶⁰ (т. е. управляющему 3-м отделением В. А. Долгорукому — П. Р.) Таким образом Тишинский и Лебедев попали сразу под тройной надзор: университетского начальства, полиции и жандармерии. 16 июля Лифляндский губернатор доносил в 3-е отделение, что Тишинский и Лебедев 29 июня прибыли в Тарту и что за ними установлен секретный полицейский надзор.⁶¹ Со 2-го семестра 1860 года Тишинский и Лебедев были зачислены в Тартуский университет, первый на отделение правоведения, второй — по предмету дипломатических наук.⁶²

Пребывание Тишинского и Лебедева в Тарту свидетельствует, что их участие в Харьковском деле было далеко не случайным, что и в Эстонии они пытались сплотить вокруг себя передовое студенчество, развернуть пропаганду. Если в Харькове и Киеве руководящая роль принадлежала не Тишинскому и не Лебедеву, то в Тарту именно они стали организаторами студенческого кружка, его руководителями. Как выяснилось в дальнейшем, во время 2-го процесса Муравского,⁶³ бывшие участники Харьковского тайного общества, разосланные в различные города, вовсе не прекратили своей революционной деятельности, они поддерживали друг с другом регулярную связь, систематически переписывались между собой. Видимо, они мечтали об обширной организации, которая бы сетью кружков связала значительную часть страны. Трудно судить, в какой степени была оформлена эта организация, имела ли она достаточно разработанную программу, насколько были однородными взгляды ее участников. Во всяком случае позиция одного из ее руководи-

⁵⁸ Там же, лл. 83, 83 об.

⁵⁹ Там же, л. 102.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, л. 146.

⁶² См. личные дела Тишинского и Лебедева, ЦГИА ЭССР, архив Тартуского университета, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 25345 и 14436.

⁶³ См. М. Лемке, стр. 284 и след.

телей, Муравского, была в достаточной степени радикальной. Тишинский и Лебедев, очутившись в Тарту, также налаживают связь с этой организацией, стремясь превратить созданный ими студенческий кружок в одну из ее ячеек. Они переписываются с видными руководителями студенческого революционного движения 60-х годов Муравским и Ефименко, знакомят их с тартускими делами, со своими попытками сплотить студентов. Эти попытки были предприняты, видимо, в первые же месяцы после приезда Тишинского и Лебедева в Тарту. 25 декабря 1860 года о них сообщал Муравский в Казань Манассеину. Сам же Муравский узнал о тартуской жизни из письма Ефименко, которому писал Тишинский. Следовательно, к концу декабря Тишинский и Лебедев не только начали свою деятельность в Тарту, но и успели сообщить о ней в Пермь Ефименко, тот переслал известие Муравскому в Бирск и уже 25 декабря Муравский цитировал слова Тишинского: «около нас они (русские студенты — П. Р.) теперь начинают группироваться; положительно можно сказать, что ни одного дня не проходит без того, чтобы у нас кто-нибудь не был». Здесь же Тишинский сообщал, что он с Лебедевым сумели проникнуть в бесплатную школу для русских и эстонских девочек и обучают их русскому языку. Он писал об удовлетворении, которое дает им эта работа. Упомянул здесь Тишинский и о попытках русских студентов «вытребовать себе права»⁶⁴ т. е. освободиться от стеснительных оков корпоративного устройства. Обо всех этих фактах сообщает в своей заметке. «Несколько слов о дерптских студентах» и Манассеин. Он говорит о стремлении группы русских студентов освободиться от корпоративной опеки, о переговорах, которые ведутся по этому поводу уже 10 месяцев, но еще не привели ни к каким результатам, о школе: «Да кроме того некоторые из русских студентов занимаются в бесплатной будничной школе для девочек».⁶⁵ Эта школа, по свидетельству Манассеина, основана при приюте, в ней учится 14 пенсионеров, средства для них добываются частично при помощи спектаклей, устраиваемых русскими студентами. Сообщает Манассеин и об устройстве студенческой кассы, общедоступной библиотеки, о получении ею 7 журналов, в том числе «Современника», «Русского слова» и «Искры», о попытке обучения жандармов грамоте.

Г. И. Арсеньев сообщает в своей книге, без указания на статью «Несколько слов о дерптских студентах», о перечисленных в ней делах и приписывает их целиком Манассеину. По словам Арсеньева, все они организованы «под влиянием Манассеина».⁶⁶ В действительности же многие из названных дел начаты, видимо, еще до приезда Манассеина в Тарту, связаны с именами Тишинского и Лебедева. Иногда это совершенно бесспорно.

⁶⁴ Там же, стр. 306.

⁶⁵ Русская речь, 1861, № 62, стр. 160.

⁶⁶ Г. И. Арсеньев, В. А. Манассеин, М. 1951, стр. 22.

О школе для девочек, о попытках освободиться от опеки корпораций, сплотить кружок русских студентов, упоминаемых в заметке Манассеина, Тишинский писал задолго до приезда последнего в Тарту. Но и другие дела, о которых сообщал Манассеин, начаты, по всей вероятности, до его приезда. Заметка «Несколько слов о дерптских студентах» напечатана в «Русской речи» 3 августа 1861 г. В самом же конце февраля Манассеин находился еще в Казани. 28 февраля он сообщал оттуда Муравскому об университетских делах. Тот, рассказывая о них Ефименко, ни словом не упоминал о намерении Манассеина оставить Казань.⁶⁷ Итак, Манассеин уехал из Казани не ранее марта 1861 года, а, вероятно, позднее; сама дорога в Тарту требовала известного времени, возможно, что по пути Манассеин делал остановки. О том, что он прибыл в Тарту незадолго до июля свидетельствует и личное дело Манассеина, хранящееся в Тартуском архиве.⁶⁸ Как раз в июле ведется переписка о поступлении Манассеина в Тартуский университет, и только 7 августа он был принят в число студентов. Если даже предположить, что Манассеин приехал в Тарту несколько ранее июля, то и тогда мало вероятно, что он, не будучи еще даже студентом, сумел развернуть ту обширную деятельность, о которой он пишет в газете. Ведь многое, из упоминаемого им, требовало для своего осуществления довольно длительного времени. Так, Манассеин сообщает, что организаторы студенческой библиотеки успели договориться с редакциями ряда журналов и уже получают некоторые издания бесплатно, а некоторые по пониженной цене. Да и занятия с жандармами, о которых он пишет, происходили в первую половину года, и летние огородные работы прекратили их.

Гораздо более вероятным представляется нам следующее предположение: еще до приезда в Тарту Манассеин слышал о Тишинском и Лебедеве. О них неоднократно упоминал в своих письмах Муравский. Так, в письме Манассеину от 25 декабря 1860 года он излагал известия Тишинского о Тарту, разъясняя при этом: «Тишинский и Лебедев — тоже мои товарищи, посланы в Дерптский университет».⁶⁹ Между Тарту и Казанью вскоре налаживается и непосредственная связь. В письме Манассеину от 20 января 1861 года Муравский высказывает предположение, что такая связь уже существует,⁷⁰ а в письме от 19 февраля 1861 г. помогает в установлении прямой переписки: «Впрочем, подробные известия о Дерпте будете получать непосредственно. Адрес: в *Лифляндскую губернию, в Дерпт, студенту университета Александру Сергеевичу Лебедеву*, а не то —

⁶⁷ См. М. Лемке, стр. 294.

⁶⁸ См. ЦГИА ЭССР, ф. 302, оп. 2, ед. хр. 15813.

⁶⁹ М. Лемке, стр. 306.

⁷⁰ Там же, стр. 310.

Александр Амфиановичу Тищинскому.⁷¹ Конечно, и имя Манассеина было знакомо Тищинскому и Лебедеву. Естественно, что по прибытии Манассеина в Тарту он сразу же сблизился с тем и с другим и даже поселился с Тищинским в одной квартире. Позднее, во время допроса 7 января 1863 года по делу Муравского, Манассеин показал: «Со студентом Дерптского университета Тищинским я сошелся по приезде моем в Дерпт, где, встречая со всех сторон незнакомые мне обычки и вовсе не сочувствуя направлению тамошних студентов, я невольно искал познакомиться с кем-либо из русских, которых там всего человек 12. Из них я более сошелся с Тищинским и даже с ним только одним. Мы жили с ним на одной квартире, вплоть до его отъезда из Дерпта».⁷² В дружбе с Тищинским Манассеин уже был изобличен, но он стремился скрыть подлинные причины ее и предотвратить вопросы о других своих тартуских знакомых. Конечно, не следует принимать всерьез его слова о том, что он сошелся с одним только Тищинским, но сам факт дружбы с ним отражен в показании весьма верно. Неизвестно, насколько был знаком Манассеин с Лебедевым. Летом 1861 года тот получил отпуск по 1 августа и более в Тарту не вернулся. Во всяком случае, после своего исключения из Тартуского университета, Лебедев поручает именно Манассеину получить его документы.⁷³

Ко времени прибытия Манассеина в Тарту там уже существовал кружок, организованный Тищинским и Лебедевым. О действиях этого кружка они и рассказали Манассеину, а тот использовал кое-что из услышанного в своей заметке. Это, конечно, не означает, что он оставался праздным зрителем, не принимал никакого участия в делах, о которых идет речь. Напротив, сразу же, видимо, после приезда Манассеин активно включается в работу кружка, после отъезда Тищинского и Лебедева из Тарту становится его руководителем, заведует частной студенческой библиотекой, снабжает студентов нелегальной литературой. В его бумагах при обыске в конце 1862 года нашли тетрадь запрещенных стихотворений и рукописных статей, прокламации «Что такое государство?» и «Что надо делать войску?», три номера «Великорусса», объявление о русских запрещенных изданиях, литографированные экземпляры «Былого и дум» Герцена, «Христианства» Ф. Лорана, четвертую книгу «Голосов из России», одиннадцать номеров «Колокола», три номера «Общего вече», «Народное дело» Бакунина, № 3 журнала «Правдивый», один номер журнала «Весть».⁷⁴ Со всей этой запрещенной лите-

⁷¹ Там же, стр. 320.

⁷² ЦГИАМ, ОППС, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 28, л. 82.

⁷³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 14436, лл. 3—4.

⁷⁴ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 28, л. 109 об. В работе Лемке, на стр. 302 упоминаются произведения, обнаруженные при обыске у Манассеина, но полного списка их не приводится.

ратурой Манассеин, видимо, широко знакомил студентов — членов кружка. О том периоде кружка, когда им руководил Манассеин, вспоминал бывший студент Тартуского университета Гончаров.⁷⁵ Но эти воспоминания изображают более позднее время, с конца 1861 г., когда Тишинский и Лебедев уже покинули Тарту. Само же основание кружка, те его дела, о которых говорит Арсеньев, относятся ко второй половине 1860 года — первой половине 1861 г., связаны в первую очередь с Тишинским и Лебедевым.

Деятельность, которую вели члены кружка, выглядит на первый взгляд совсем безобидной. Обучение девочек и жандармов русской грамоте, студенческая касса и др. кажутся весьма далекими от вопросов революционного движения. На самом деле это не совсем так. Тишинский и Лебедев стараются в Тарту осуществить ту программу, которую выработала революционная организация, возглавляемая Муравским. Мысль об обучении народа, о революционной пропаганде в школах для народа была весьма популярной еще в Харьковском тайном обществе, а идея организации воскресных школ возникла в Киевском университете, в кружке, в который входили Тишинский и Лебедев. О школах для народа неоднократно говорится в письмах Муравского.

В 1862 году было обнаружено, что в двух воскресных школах Петербурга ведется революционная пропаганда. Распорядителем одной из них, Самсониевской, оказался Рымаренко, бывший студент Харьковского университета, участвовавший в студенческих волнениях 1858 года, поддерживавший связь с киевским и харьковским кружками. Любопытно, что Манассеин, отправляясь из Казани в Тарту, имел свидание с Рымаренко. «Студента медико-хирургической академии Рымаренко мне рекомендовал Португалов. Проездом в Дерпт я завез ему письмо Португалова», — показал Манассеин, отвечая 7 I. 1863 г. на вопросы следственной комиссии.⁷⁶ Португалов же был членом харьковского и киевского тайного общества, товарищем Лебедева и Тишинского. В бумагах Манассеина обнаружили и письмо от Рымаренко. Не случайно при разборе дела «воскресников» столь часто упоминаются Харьковское и Киевское тайные общества, приводятся обширные выписки о них. Среди этих выписок неоднократно встречаются имена Тишинского и Лебедева.⁷⁷ Комиссия Жданова, которая расследовала дело о воскресных школах, правильно оценила «намерение, под видом распространения грамотности, готовить простой народ к принятию участия в осуществлении преступных целей».⁷⁸ Антиправительственная пропаганда была раскрыта лишь в немногих школах, одна-

⁷⁵ Воспоминания не были опубликованы. В настоящее время они подготовлены к печати Б. Ф. Егоровым.

⁷⁶ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 28, л. 82 об.

⁷⁷ См. напр. ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 71, лл. 210, 216, 219.

⁷⁸ М. Лемке, стр. 281.

ко вряд ли обосновательны предположения комиссии, что попытки такой пропаганды не ограничиваются обнаруженными случаями. «Можно ли думать, чтобы преступные элементы ограничились только этими тремя городами (Харьковом, Киевом, Петербургом — П. Р.) и чтобы злоумышленники, рассеянные по всей империи, упустили из виду воскресные школы, столь удобные, по строю своей организации, для распространения между простым народом антиправительственных понятий?»⁷⁹

В свете всего вышесказанного видно, что интерес, проявленный в Тарту Тищинским и Лебедевым к школам для народа, стремление «вторгнуться» в них были далеко не случайны. Характерно, что в письме Тищинского идет речь и об обучении эстонских девочек, что, вероятно, свидетельствует о стремлении организаторов кружка наладить связи с местным эстонским населением. Неизвестно, делали ли Тищинский и Лебедев какие-либо попытки вести революционную пропаганду в той школе, где они преподавали. Скорее всего — нет. Но несомненно, что их интерес к преподаванию в народных школах перекликается со взглядами тайной студенческой организации на эти школы, как на одно из важных средств революционной пропаганды. В этой связи следует рассматривать и желание тартуских студентов обучать жандармов грамоте. Арсеньев характеризует это желание «как курьез»,⁸⁰ на самом же деле оно перекликалось с мыслями Муравского, выраженными в одном из его писем: «престол держится только войском, в нашем тайном обществе поговаривали иногда, что следует покороче сблизиться с военным сословием».⁸¹ Конечно, члены кружка собирались обучать грамоте не жандармских офицеров, а простых солдат.

Большое значение имели и письма, которые Тищинский и Лебедев посылали из Тарту Муравскому, Ефименко и, видимо, другим членам общества. Ведь по замыслу такая переписка должна была явиться связующим звеном тайной организации.

Таким образом, в 1860—1861 гг. Тищинский и Лебедев пытались сплотить тартуских студентов и образовать в университете одну из ячеек широко разветвленного общества. Как раз к этому времени, по всей вероятности, относится наиболее активная деятельность кружка, которая объясняется даже не столько личными качествами его руководителей, сколько общей обстановкой периода «революционной ситуации», существованием в стране широкой тайной студенческой организации. В 1862 году эта организация была разгромлена, что, естественно, наложило отпечаток на действия Тартуского кружка в более поздний период, под руководством Манассеина.

У нас имеется весьма мало данных о составе кружка. Но учи-

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 75, л. 211.

⁸⁰ Г. И. Арсеньев, В. А. Манассеин, М., 1951, стр. 22.

⁸¹ М. Лемке, стр. 313.

тывая, что русских студентов в те годы было в Тарту очень немного и что большинство из них сплотилось вокруг Тишинского и Лебедева, можно делать некоторые предположения. В 1860 году в университете учились русские студенты Владимир и Георгий Чивилевы из Москвы, Дмитрий Филиппов из Воронежа, Василий Ильин из Гатчины, Семен Владыкин из Саратова, Спиридон Грабовский из Полтавы, Константин Сочеванов из Новгорода, Григорий Богословский из Петербурга. В 1861 году в Тарту прибыл Константин Филиппов из Петербурга, Александр Гончаров из Симбирска, Александр Волков из Петербурга, Степан Волков из Москвы. Вероятно, большинство из перечисленных студентов было связано с кружком Тишинского, Лебедева и Манассеина. Известно, что Александр Волков, в дальнейшем серьезно занимавшийся химией, автор магистерской диссертации «Влияние света на растения», был близок с Манассеиным. В 1862 году они вместе перевели «Физиологическую химию» Гаруп-Безанеца. Александр Гончаров впоследствии сам писал о своем участии в кружке. Из личного дела Константина Сочеванова известно, что из университета он выбыл в мае 1861 года не по собственному желанию, а поведение у него лишь «довольно хорошее».⁸² Вскоре оказались вынужденными оставить Тартуский университет и Тишинский с Лебедевым. Университетская администрация вряд ли не тяготилась студентами, за которыми она должна была вести особое наблюдение, следовательно, нести за них ответственность. В 1861 году Тишинский и Лебедев — почти единственные студенты Тартуского университета, находившиеся под полицейским надзором.⁸³ Да и их деятельность не могла вызвать одобрения начальства. Правда, избавиться от них было не так просто: их прислало в Тарту 3-е отделение на основании повеления царя. Однако, случай представился. Однажды Тишинский резко ответил на замечание проректора, приказавшего ему сбрить бороду. Вспомним, что в 60-ые годы борода для многих была характерным признаком «нигилиста», и спор приобретал для обеих сторон принципиальный характер. Проректор приказал посадить Тишинского в карцер, на что тот «изъяснил, что он ни в коем случае не подчинится этому приговору и в случае принуждения будет сопротивляться всеми своими силами».⁸⁴ То же повторил он университетскому суду, который приговорил его к исключению из университета. Попечитель же Дерптского учебного округа фон-Брадке во время беседы с Тишинским «нашел в нем решительное намерение вообще не подчиняться власти».⁸⁵ Возможно, что Брадке не-

⁸² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 23671.

⁸³ См. «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции за 1861 год», ЦГИА ЭССР, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 16173.

⁸⁴ См. донесение в 3-е отделение дерптского жандармского офицера от 31. VIII. 1861 г., ЦГИАМ, ф. 109, 1 экс, 1860, ед. хр. 26, ч. 5, л. 299 об.

⁸⁵ Там же, л. 300.

сколько преувеличивал, желая избавиться от беспокойного студента, но возможно, что выведенный из себя Тишинский кое-что и высказал из своих мнений о «власти». Приговор послали на утверждение министру народного просвещения, тот полностью согласился с ним и «с своей стороны признал также необходимым исключить Тишинского за дерзкие поступки его из университета, с тем, чтобы его не принимать ни в один из университетов в империи».⁸⁶ 28 августа 1861 года совет университета вынес об этом окончательное решение. 30 августа Тишинский выехал из Тарту и отправился на родину, в Черниговскую губернию. 3-е отделение сразу же поставило в известность о Тишинском черниговского жандармского офицера, приказало учредить за ним наблюдение, и по прибытии 21 октября Тишинского в Чернигов за ним был установлен полицейский надзор.⁸⁷

Заодно университетское начальство решило избавиться и от Лебедева. Тот, уволенный по 1 августа в каникулярный отпуск, отправился в Харьков и пытался устроиться в Харьковский университет. 10 августа 1861 года он просил 3-е отделение не препятствовать ему в этом, мотивируя свое желание покинуть Тарту удаленностью этого города от его дома, скудными материальными средствами и плохим знанием немецкого языка, на котором велось в Тарту преподавание.⁸⁸ К ходатайству Лебедева была приложена докладная записка попечителя Харьковского учебного округа, в которой тот соглашался на такой переход. 3-е отделение тоже не возражало против оставления Лебедева в Харькове, видимо, полагая, что здесь за ним будет удобнее наладить наблюдение. О просьбе Лебедева было доложено царю и тот повелел окончательное решение дела представить на усмотрение министра просвещения. Обо всем этом 3-е отделение сообщало Путятину 24 августа 1861 г.⁸⁹ Однако министр просвещения, возможно, уязвленный и тем, что Лебедев обратился с просьбой о переводе не к нему, а в 3-е отделение, сообщил туда 1 сентября: «Я не могу согласиться на его просьбу».⁹⁰ Ожидая ответа на свое ходатайство, Лебедев оставался в Харькове, не вернувшись в Тарту к назначенному сроку, и министр просвещения, по представлению фон-Брадке, «предложил сделать распоряжение об исключении Лебедева из числа студентов, за просрочку данного ему на время летних вакаций отпуска, без извещения о причинах».⁹¹ Путятину была ясна причина опоздания Лебедева, кроме того, тот дважды посылал в Тартуский университет медицинские свидетельства, видимо, мотивируя свое запоздание плохим состоянием здоровья.⁹² Однако,

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же, лл. 302 об., 330.

⁸⁸ Там же, лл. 288—290.

⁸⁹ Там же, лл. 292—293.

⁹⁰ Там же, л. 297.

⁹¹ Там же, л. 315.

⁹² ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, ед. хр. 14436, л. 3.

это не помешало расправе с неугодным студентом. 7 октября 1861 года Совет университета исключил Лебедева из числа студентов. Весною 1862 года Лебедев собирался держать экзамены в Харьковский университет, позднее он там учился, но его дальнейшей судьбы нам проследить не удалось.

Зато имя Тишинского неоднократно упоминается на страницах архивов 3-го отделения. Его жизнь после отъезда из Тарту доказывает стойкость его передовых убеждений, свидетельствует в пользу высказанного нами предположения, что из дерптских студентов 1861 года именно он настроен был наиболее радикально и руководил их кружком. Поэтому небезинтересно будет остановиться на некоторых фактах этой жизни. Их позволяют восстановить материалы следственной комиссии по так называемому процессу Андрущенко, большому политическому процессу участников «Земли и воли» 60-х годов.⁹³ Из этих материалов видно, что по дороге из Тарту Тишинский остановился в Москве и, видимо, пытался поступить в университет, но принят в него не был. Инспектор Московского университета сообщил в конце 1863 года Московскому губернатору, что Тишинский из Тартуского университета «за дерзкие поступки в 1861 г. исключен, вследствие чего и в Московский университет принят не был».⁹⁴ В Москве Тишинский встречался с оппозиционно настроенными студентами. Евгений Андрущенко вручил ему там в конце сентября «Полярную звезду» и «Колокол» для передачи своему брату Ивану, что Тишинский и выполнил, приехав в Чернигов.⁹⁵ Вынужденный добывать своим трудом средства к жизни, Тишинский становится домашним учителем и живет в селе Макишене Городнецкого уезда Черниговской губернии в доме полковника П. П. Чичерина. Трудно ответить точно, был ли Тишинский членом «Земли и Воли», но можно предполагать, что был. Во всяком случае он и в Черниговской губернии, после многих злоключений, которые, казалось, могли его заставить смириться, сохранил свои прежние революционные взгляды, оказался связанным с революционным подпольем. Так, член «Земли и Воли» Иван Андрущенко, подъезжая летом 1863 г. к Чернигову с грузом прокламаций, по его признанию, «на станции оставил записку, в которой уведомлял Тишинского, что пробуду некоторое время в Чернигове, то если он желает видетъся со мною, чтобы приехал».⁹⁶ 16 сентября Андрущенко показал, что в начале июля он вместе с Тишинским и Носом был у подпоручика Белозерского, тот в конце вечера взял стихотворение «Долго нас помещики душили», полученное им ранее от Андрущенко, «показал

⁹³ Дело Андрущенко напечатано в «Колоколе» Герцена (1865—1866, №№ 208—215), но материалы следственной комиссии опубликованы полностью не были.

⁹⁴ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 75, л. 41 об.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 72, лл. 211, 176, 177.

⁹⁶ Там же, ед. хр. 72, л. 436.

Тищинскому и хотел было читать, но Тищинский остановил его словами: я это давно знаю; откуда вы взяли? Белозерский указал на меня, а я прибавил, что оно положено на голос и идет в ход. Тищинский спросил, есть ли у меня кроме этого еще что? Я сказал, что есть. Он просил дать ему и говорил, что теперь и ему будут присылать, что будет печататься». ⁹⁷ В тот же вечер, — продолжал Андрущенко, — на квартире Носа Тищинский, ложась спать, просил дать ему для прочтения что у меня есть. Я дал ему два воззвания «Свобода № 1» и другое, начинающееся словами «Долго давили вас» и пр. На другой день утром Тищинский перед отъездом спросил, есть ли у меня еще экземпляры этих воззваний и просил дать еще; я достал из чемодана и дал ему экземпляров, примерно, по пяти этих воззваний и брошюры «Что нужно народу?» Но Тищинский сказал, что этого мало и просил дать ему несколько экземпляров воззвания «Свобода № 1». Отдавая ему еще столько же, я просил спрятать их. «Да чего вы так боитесь?» — спросил Тищинский». ⁹⁸

20 сентября 1863 года у Тищинского был сделан обыск, который не дал никаких результатов. Это и понятно. Об аресте Андрущенко, Носа и Белозерского стало известно в городе. Тищинский сам показал, что на другой день после его возвращения из Чернигова он узнал, что «Нос, Андрущенко и Белязёрский» взяты. Я, конечно, догадался в чем дело и, опасаясь у себя обыска, также предполагая, что и меня, как видевшегося с Андрущенко, возмут, сжег все, полученное мною от Андрущенко». ⁹⁹ Конечно, Тищинский имел время уничтожить не только прокламации, взятые у Андрущенко, но и все другие материалы, которые могли бы его компрометировать. Дело в начале вел провинциальный следователь, он не только предоставил Тищинскому длительное время для уничтожения улики, но и сделал все, чтобы заставить его насторожиться. Обыск был проведен 20 сентября, а еще 22 июля следователь направил Тищинскому письмо, в котором сообщал, что он ведет негласное следствие, запрашивал его, в чем заключался разговор на квартире у Белозерского, интересовался, не получал ли Тищинский от Андрущенко прокламаций и просил их прислать, если они окажутся. ¹⁰⁰ Посылать такое письмо человеку, находившемуся под полицейским надзором, возможному соучастнику Андрущенко, было по меньшей мере наивно. Если бы он даже до этого письма и ничего не подозревал, то после получения его, как бы он ни был неосторожен, естественно забеспокоился бы и уничтожил все возможные улики. И когда в октябре Тищинского арестовали, против него не имелось никакого компрометирующего материала, кроме показаний Андрущенко. С основной группой аре-

⁹⁷ Там же, ед. хр. 73, л. 1.

⁹⁸ Там же, л. 1 об.

⁹⁹ Там же, ед. хр. 74, л. 229.

¹⁰⁰ Там же, ед. хр. 72, л. 403.

стованных, живших в Петербурге и в Москве, Тишинский, видимо, и на самом деле не был связан. В показаниях этой группы его имя не упоминается, Андрущенко ограничился показаниями, которые мы приводили выше, сам же Тишинский отвечал в комиссии очень сдержанно и осторожно, умело маскируя свои подлинные взгляды и дела. Он и здесь придерживался той тактики, к которой прибегал во время Харьковского процесса. До последней возможности Тишинский старался ввести комиссию в заблуждение, признавая лишь то, что отрицать было нельзя. Еще до ареста, отвечая на письмо черниговского следователя, Тишинский 1 августа утверждал, что на квартире у Белозерского «разговоров особенно важных или интересных для следователя, а также и касающихся правительства, никаких не было < . > Что же касается до каких-то листков возмутительного содержания, то об них тоже не было речи, и я их не получал, следовательно, и у себя не имею. Да, вероятно, никто из поименованных лиц этих листков у себя не имеет, потому что и намека о них никакого не было».¹⁰¹

В письме Тишинского заметно не только стремление скрыть истину, отвести от себя подозрение, но и попытаться выгородить арестованных. Не зная, захватили ли у них прокламации, он выражает догадку, что вообще никто из задержанных их не имел. Правда, сразу же, из осторожности, он добавляет, что если звания у этих людей и имелись, то ему их не показывали.

Подобной же тактики отрицания придерживался Тишинский и после ареста. Так, во время допросов 18 и 19 октября он утверждал, что его знакомство с Андрущенко — чисто поверхностно, что он даже не помнит, где и как с ним познакомился, что с 1859 года, с харьковской истории, он вообще «принял за правило жить особняком, не искать знакомств»,¹⁰² что в Чернигов он в тот день приехал случайно, «разговор наш был самый обыкновенный < . > Андрущенко не сообщал мне, что у него есть возмутительные сочинения < . > На другой день, как человек занятый службой, я рано утром уехал из Чернигова и уже после узнал, что у Андрущенко взяли какие-то возмутительные сочинения < . > Также и в квартире Белозерского не было и речи про возмутительные сочинения, какие отыскивались у Андрущенко, и я вовсе не знал, что они у него есть, а тем более не знал, с какими целями он их держал у себя».¹⁰³

И только тогда, когда Тишинского познакомили с показаниями Андрущенко и Белозерского, он начал понемногу признаваться, но лишь в том, чего нельзя было опровергнуть, что комиссии было заведомо известно. Тишинский не добавил ни одного нового факта, не назвал ни одного нового лица. Он лишь подтвердил, да и то со многими оговорками, показания Андру-

¹⁰¹ Там же, л. 403 об.

¹⁰² ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 74, л. 223 об.

¹⁰³ Там же, л. 225 об.

щенко и Белозерского о себе, с которыми его постепенно познакомила комиссия. Так, он полупризнался, что видел одну из прокламаций на квартире у Белозерского, но продолжал отрицать, что получил воззвания от Андрущенко. «Утверждать положительно, чтобы «Долго нас помещики душили» было мне показываемо и притом с такими подробностями, как показали гг. Белозерский и Андрущенко, я не могу, потому что не помню < . > Одним словом, я не отрицаю этого факта, а говорю только, что не помню, был ли он действительно».¹⁰⁴ «Относительно же того, чтобы я говорил, что мне будут они присылаться, я говорю, что этого не было < . > Андрущенко мне не давал никаких воззваний < . > С просьбою о присылке воззваний я никогда ни к кому не обращался и их у себя никогда не имел, а значит и не имею».¹⁰⁵ Тогда Тишинского познакомили с той частью показаний Андрущенко, в которой он говорил, как передал Тишинскому прокламации. И лишь после этого Тишинский признался в получении воззваний, но и здесь пытался всячески преуменьшить значение этого факта и особенно решительно отрицал свою связь с революционным подпольем. «Я действительно взял воззвания у Андрущенко < . > Что же касается до той фразы, которою, будто бы, у Белозерского я хвалился, что и мне будут присылать, то от этой фразы я отказываюсь, как от неимеющей ровно никакого значения, потому что никто мне не обещался высылать и я никого не знаю, кто бы мог это делать. Если даже я и сказал эту фразу (что положительно не помню), то это было ни больше ни меньше как хвастовство подкутившего человека, ибо, как я уже сказал, у Белозерского я пил водку < . > Так что если я и взял у него (Андрущенко — П. Р.) несколько экземпляров этих воззваний, то решительно из одного простого любопытства, а не из-за каких либо особенных целей, также как и не из-за особенного сочувствия к подобным вещам».¹⁰⁶

На допросе 21 октября Тишинскому резонно заметили, что его любопытство должно было удовлетвориться чтением прокламаций и уж во всяком случае не требовало 20 экземпляров их. Но он продолжал стоять на своем. «Хотя я и взял у Андрущенко несколько экземпляров воззваний, но вовсе не с целью их распространения, а с какою именно целью, я и сам тогда не давал себе отчета. Вероятно, с целью иметь у себя столь любопытный и столь запрещенный предмет. Взял же я по несколько (именно по 5) экземпляров каждого воззвания раз потому, что так сунул мне в руки Андрущенко, в другой потому, что воззвания напечатаны очень дурно, так что из пяти едва-едва

¹⁰⁴ Там же, л. 226.

¹⁰⁵ Там же, л. 227.

¹⁰⁶ Там же, лл. 229, 231, 231 об.

можно выбрать один сколько-нибудь такой, какой можно читать без труда».¹⁰⁷

Этого утверждения, явно не соответствующего действительности, Тищинский продолжал держаться до самого окончания следствия. Он никого не запутал в дело, не выдал, упорно объясняя все своим любопытством, хвастовством подвыпившего человека. Его можно было обвинить лишь в хранении прокламаций, в скрывании того, что он знал об Андрущенко, но не в распространении воззваний, не в революционной деятельности. Так позднее и оценивалась его вина судом.

8 января 1864 года комиссия вынесла решение освободить Тищинского в числе 7 арестованных из под ареста «и впредь до решения об них дела судом, отдать их на благонадежное поручительство».¹⁰⁸ Решение было выполнено не сразу. Дело в том, что в Петербурге у Тищинского не было никого, кто бы взял его на поруки. Другие заключенные, упомянутые в решении комиссии, вышли из крепости, а он все еще продолжал оставаться под стражей. Наконец, 10 февраля 1864 года Тищинского освободили без поручительства, под строгий надзор полиции.

О бедственном положении его после выхода из крепости свидетельствует отношение в комиссию Петербургского губернатора, который 14 февраля 1864 года писал, что Тищинский «не имеет решительно никаких средств ни для проживания в С.-Петербурге, ни для поездки на родину. Вообще положение Тищинского, по его объяснению, до того незавидно, что его даже не радуется дарованная свобода, и если правительство не окажет ему помощи, в таком случае он вынужден будет отправиться на родину пешком».¹⁰⁹ Характерно, что на просьбу Тищинского помочь ему добраться до дому комиссия ответила отказом, упомянув, что он не оправдан и что «едва ли свойственно назначать такому лицу просимое им денежное пособие».¹¹⁰ Не сумев собрать против Тищинского достаточно улик, вынужденная освободить его, комиссия подчеркивала, что в этом случае освобождение вовсе не означает оправдания. Суд приговорил Тищинского к 2-м месяцам крепости и к высылке по месту жительства под надзор полиции. Сравнительно мягкий приговор объяснялся рядом причин: во-первых хладнокровное и продуманное поведение Тищинского во время следствия свело к минимуму улики, которые можно было использовать против него. Во-вторых, Тищинский на самом деле вряд ли был связан с основной группой подсудимых, и их показания оставили его в тени. В-третьих, он просто затерялся в этом процессе среди большого количества арестованных. В-четвертых, правительство решило сурово наказать зачинщиков, проявив видимость мило-

¹⁰⁷ Там же, л. 257.

¹⁰⁸ Там же, ед. хр. 76, лл. 149—149 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 276 об.

¹¹⁰ Там же, л. 297.

сердия к остальным привлеченным к делу. Некоторые из них были признаны совсем невиновными, остальные отделались сравнительно небольшими наказаниями от 8 месяцев крепости и менее. В число последних попал и Тищинский.

Конечно, эта «мягкость» приговора была чисто условной. Тищинскому пришлось провести около 4-х месяцев в крепостных казематах, испытать после освобождения голод и унижения. Его, «согласно предложению министерства внутренних дел, как неблагонадежного в политическом отношении», лишили права «заниматься обучением детей и юношества»,¹¹¹ т. е. делом, которое давало ему средства к существованию. Тищинский был вынужден устроиться письмоводителем в губернскую канцелярию. Да и это место он получил только потому, что, по мнению Черниговского губернатора, оно давало удобную возможность следить за Тищинским. Долгие годы он находился под строгим надзором полиции и жандармерии, который сняли с Тищинского только в январе 1872 года. Уже сам факт, что под надзором Тищинский был около 12 лет, свидетельствует о многом. Да и после того власти не слишком доверяли ему. Видимо, для этого были веские основания, и тяжкие испытания не сломили его. Когда в конце 1872 года Тищинский вместе с учителем гимназии Н. Константиновичем просил о разрешении издавать газету «Черниговский листок», начальник губернской жандармерии доложил в 3-е отделение, что Тищинский и Константинович «не отличаются благонамеренным направлением и, хотя держат себя чрезвычайно осторожно, и обличить их в чем-либо весьма трудно, тем не менее о них сложилось мнение, как о людях с вредным образом мыслей, и что за них далеко нельзя поручиться, чтобы они могли быть в политическом отношении благонадежны».¹¹²

Имя Тищинского упоминается и в «Сведениях по Черниговской губернии» за 1873 год, посылаемых местным начальником жандармского управления в 3-е отделение, в числе лиц, объявивших демонстративную подписку в пользу «хронически голодающих» крестьян двух уездов Черниговской губернии. Эти лица, по утверждению жандармского офицера, уже давно составили партию, которая еще в 1870 году вела агитацию «с целью выставить себя защитниками народа как бы от тяжелого положения».¹¹³ Подписку же 1873 года они хотели использовать «для проведения снова в народе мысли о возможности освободиться от установленных повинностей, по несостоятельности их к тому, вследствие постигшего будто голода».¹¹⁴

¹¹¹ Там же, л. 372 об.

¹¹² ЦГИАМ, ф. 109, 3 экс., 1872, ед. хр. 1, ч. 2, лл. 101—101 об.

¹¹³ ЦГИАМ, ф. 109, 3 экс., оп. 158, ед. хр. 440, л. 6 об.

¹¹⁴ Там же, лл. 7—7 об.

Таким образом, вся последующая жизнь Тищинского свидетельствует о стойкости его свободолюбивых убеждений, служит подтверждением высказанным выше доводам о его роли в организации Тартуского студенческого кружка, о радикальном направлении, которое он пытался придать кружку. Лишь расправа с Тищинским и Лебедевым, а затем разгром студенческой организации, возглавляемой Муравским, помешали осуществить эти попытки.